Ominayashi

Книга, которую еще не написали

Ominayashi

Книга, которую еще не написали

«Автор»
2026

Ominayashi

Книга, которую еще не написали / Ominayashi — «Автор», 2026

Венеция, где туман — это состояние нерешительности, а вода всегда честнее оригинала. Виолетт — женщина в сером костюме, управляющая экспортом муранского стекла и не умеющая принимать чувства, — случайно покупает на набережной Дзаттере тонкую книгу с обложкой, на которой сакура нависает над невозможным каналом. Книга называется «Мост и Лепесток», её автор — малоизвестный писатель Жак Бертран, а внутри — рассказы о японской девушке Юки, которая пьёт чай двумя руками, замирает посреди улицы и прислушивается к тишине. Виолетт читает — и с каждым вечером всё яснее понимает, что Юки описана до последней детали так, как она сама себя никогда не описывала. Между Венецией и Киото, серым костюмом и кимоно, мужем Марко и чужими чернилами им предстоит понять, кто кого выдумал — и можно ли быть героем книги, не переставая быть живым.

© Ominayashi, 2026
© Автор, 2026

Ominayashi
Книга, которую еще не написали

Книга, которую ещё не написали

Глава первая, в которой Виолетт покупает книгу на набережной

В Венеции всё не так, как везде, и это хорошо известно каждому, кто хоть раз свернул не туда. Но Виолетт свернула не туда впервые, а это совсем другое дело — первый раз всегда сильнее.

Она шла по набережной Дзаттере, и солнце уже начало сдавать свои позиции — не сдаваться, нет, просто менять тактику, перейдя от дневного напора к вечернему вкрадчивому шёпоту. Адриатика посверкивала медью. Чайки орали так, словно обнаружили что-то важное и не могли поделиться. Ветер пах водорослями и тёплым камнем, и ещё чем-то неуловимым, что Виолетт никак не могла определить, — может быть, чужими надеждами.

Жак, разумеется, ничего этого не видел. Жак в это время сидел в кафе «Флориан» — самом старом кафе в Венеции, а может быть, и во всём мире, если верить меню, — и дописывал очередной рассказ. Он дописывал его уже три дня, и каждый день оставался один и тот же абзац, потому что Жак был из тех писателей, которые не могут закончить, пока не найдут точное слово, а точное слово в этом случае должно было описать ощущение, которое он сам никогда не испытывал. Но если ты писатель фантастических рассказов — это не проблема. Проблема в другом: он писал о девушке, в которую был влюблён, а влюблён он был в реальную женщину, и между девушкой и женщиной пролегала пропасть, которую невозможно было заполнить ни словом, ни выдумкой.

Звали его Жак, и это имя, как он считал, совершенно ему не подходило. Он был из тех худощавых молчаливых людей, которые носят очки не потому, что плохо видят, а потому что очки создают дистанцию между миром и ними, а дистанция — это главное. Руки у него были в чернилах — он не пользовался ноутбуком принципиально, и, может быть, это было единственное его правило, которое он никогда не нарушал.

Итак.

Виолетт шла по набережной, и сумка её, тяжёлая от не купленных, а зачем-то данных ей вещей — бесплатных духов, визиток, пробников крема, — оттягивала плечо. Она была одета в серый брючный костюм, потому что в сером брючном костюме она чувствовала себя неуязвимой, а неуязвимость была ей нужнее, чем одежда. Сегодня утром её муж — его звали Марко, и это имя ему подходило, потому что Марко было как море в плохом значении этого слова: слишком много мели, слишком много шума — сегодня утром её муж опять не пришёл домой. Она знала, где он. Она всегда знала, где он. Марко не отличался ни изобретательностью, ни разнообразием — он просто находил очередную девицу и не возвращался, пока не надоедало, а надоедало ему всегда, потому что Марко был из тех людей, которым всё надоедает, кроме самих себя.

Виолетт была бизнес-леди, и это означало, что она умела принимать решения, но не умела принимать чувства. Она управляла компанией по производству муранского стекла — вернее, управляла отделом экспорта, — и каждый день принимала решения на суммы, от которых нормальный человек схватился бы за голову. Но когда дело доходило до Марко, она словно теряла все свои управленческие навыки, и оставался только один: терпеть.

Буклавочник на набережной — это такой лоток, где продают старые книги, — попался ей случайно. Виолетт не читала книг. Она читала отчёты, контракты и иногда — очень иногда — экранную ленту новостей. Но тут что-то заставило её остановиться. Может быть, свет упал на

корешок так, что книга блеснула, а может быть, просто ветер перелистнул страницу, и Виолетт увидела иллюстрацию.

На обложке была изображена девушка — не женщина, а именно девушка, — стоящая на мосту над каналом, и канал этот был совершенно не похож на венецианский. Он был прямой, как линейка, обсаженный сакурой, и сакура цвела так, что лепестки падали в воду, и вода была не зелёная, не серая, а какого-то невозможного цвета — неописуемого, неуловимого, цвета, который бывает только в Японии, в той Японии, которую выдумали европейцы, и которая от этого лучше настоящей.

Книга называлась «Мост и Лепесток». Автор — Жак Бертран.

Виолетт купила книгу, потому что не могла не купить. Буклавочник сказал что-то про удачу, но Виолетт не слушала — она уже раскрывала первую страницу, и первый абзац ударил её так, как не ударял ни один абзац ни одного контракта в её жизни:

«Девушка по имени Юки вышла на мост и поняла, что не помнит, зачем пришла. Она помнила всё остальное — вкус утреннего чая, звук дождя на крыше, запах мха в храме, — но забыла причину, и эта забытая причина была важнее всех остальных воспоминаний, потому что причина всегда важнее следствия, даже если следствие — это ты».

Виолетт закрыла книгу. Постояла. Открыла снова.

Глава вторая, в которой начинается чтение и заканчивается покой

Вечер Виолетт провела в гостинице «Даниэли» — не потому, что это лучшая гостиница Венеции, а потому, что Марко не знал, в какой гостинице она остановилась, и это значило, что он не мог прийти, и это значило, что он не пришёл бы в любом случае, но всё-таки.

Номер был огромный, с окнами на лагуну. Шторы тяжёлые, красные, как занавес в опере. Кровать — такая большая, что можно было лечь и потеряться, и Виолетт уже однажды терялась — не в кровати, а вообще — и не хотела повторять.

Она открыла книгу и стала читать.

Рассказ первый назывался «Сад мхов». В нём Юки — девушка, не женщина, девушка, — приходила в храм Сайходзи в Киото. Храм этот был знаменит мхом: мох покрывал всё — камни, деревья, землю, воду, — и Юки ходила по мху, и мох подрагивал под её ногами, и она разговаривала с ним, и мох отвечал, но не словами, а влажностью, и Юки понимала.

Виолетт читала и чувствовала мох. Не венецианский, не адриатический — настоящий, киотский, мягкий, прохладный, зелёный настолько, что зелёный становился не цветом, а ощущением. Она чувствовала под пальцами шершавую поверхность камня, покрытого вековым бриофитом, и запах — не венецианский запах водорослей и камня, а запах земли, которая не спешит, которая живёт в своём темпе, и этот темп медленнее человеческого, и от этого не менее, а более живой.

Рассказ второй назывался «Фудзи в облаках». Юки шла к горе, и гора пряталась в облаках, и Юки злилась — единственный раз за всю книгу злилась, — потому что хотела увидеть, а гора не давала. И тогда Юки села на камень и стала ждать. И ждала три дня. И на четвёртый день облака ушли, и Фудзи открылась, и Юки заплакала, потому что гора была совершенна, а совершенство невозможно вынести, если ты не готов, а Юки не была готова.

Виолетт тоже заплакала, но не поняла, почему. Уткнулась в подушку, подушка пахла лавандой — не японской, а провансальской, — и Виолетт подумала, что лаванда, наверное, одинакова везде, как и слёзы.

Рассказ третий назывался «Чайная церемония». Юки сидела на татами, и старый мастер наливал чай, и Виолетт вдруг ощутила, что она — Юки. Не похожа на Юки, не напоминает Юки, а является Юки, и колени её — колени Юки, и руки — руки Юки, и чай, который она пьёт, — не чашка в номере «Даниэли», а чаша в чайном павильоне в Уджи, и горький зелёный

матча обжигает нёбо, и это правильно, потому что горечь — это вкус правды, а правда должна обжигать.

Она читала до трёх ночи.

И заснула, не закрыв книгу, и книга лежала раскрытой на груди, и во сне Виолетт шла по киотским садам, и мох был под ногами, и сакура цвела, и чай горчил, и Юки — то есть она сама — улыбалась.

Глава третья, в которой Виолетт начинает замечать

На следующий день Виолетт проводила переговоры с японской торговой компанией. Это была обычная встреча — муранское стекло в Японию, контейнер, сроки, цены, — и встреча шла в том же «Даниэли», в конференц-зале с лепниной и позолотой, и японцы кланялись, и Виолетт кланялась в ответ, и это было единственное, что она делала правильно, потому что всё остальное — переговоры, стратегии, позиции — всё это отлетело от неё, как чешуя, и осталась только книга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.